

Беседа
у камня

№ 15

Автор рисунка:
Светлана Кобелева

Содержание

От редакции	<u>2</u>
Аркадий и Борис Стругацкие. Продолжение	<u>10</u>

Стихи

Кирилл Сорокин	<u>3</u>
Supertramp	<u>9</u>
Маргарита Кулешова	<u>21</u>
Карина Лек	<u>27</u>
Ира Ничья	<u>27</u>

Проза

Кирилл Сорокин	<u>6</u>
Карина Черед	<u>22</u>
Дарья Кошечая	<u>25</u>
Арина Феева	<u>28</u>

Рисунки и фотографии

Светлана Кобелева	<u>Обложка, 8, 26</u>
Анастасия Новикова	<u>5, 20, 24, 31, 35</u>

Здравствуйте, дорогие читатели.

Вы только что открыли 15 номер газеты «Беседы у камина», скорее всего, ожидая прочитать на его страницах интересные, стоящие произведения. Очень надеемся, что этот номер вас не разочарует.

На его страницах вас ждет продолжение статьи об Аркадии и Борисе Стругацких, с великолепными иллюстрациями Ирины Реуцой и Екатерины Трошковой. А после статьи вы найдете объявление, которое наверняка заинтересует писателей.

Кроме того, вы познакомитесь с работами нового художника — Светланы Кобелевой. Именно ее фантазия на тему игры «Mass Effect» и работ Бориса Вальехо украшает обложку номера. Компанию ей в номере составит уже известная вам по прошлому номеру Анастасия Новикова. В этот раз выбор пал на графические работы, кроме того, вашему вниманию будут представлены фотографии кукол ручной работы, которые также делала Анастасия.

Мы вновь вернулись к уже забытой практике публикации отрывков из крупных произведений. Вы сможете познакомиться с отрывком из романа «Жрица солнца» Дарьи Кошевой. Текст приведен с иллюстрацией.

Ну и конечно в номере вас ждут стихи и рассказы. Некоторых авторов наши читатели знают уже давно, кто-то впервые попал на страницы газеты. Но, в любом случае, они достойны самого пристального внимания. Приятного вам чтения.

Всегда ваша, редакция БУКа!

Кирилл Сорокин

Тебе чудес отмерено без счёта

Игрою света утро опьяняет.
И мир весь твой, и ты — для мира весь.
Скорей вперёд, мгновенья не теряя!
Коснись всего, что в этой жизни есть.

Тебе чудес отмерено без счёта:
Друзей, мечтаний, радостных дорог,
Побед, провалов, резких поворотов,
Любви, забот и трепетных тревог.

Холодных дней, ночей, огнём горящих,
Усталых тёмно-синих вечеров,
Далёких стран, безудержно манящих
И суеты огромных городов.

Ты можешь стать кем только пожелаешь,
Ты будешь думать, строить, разрушать,
Идти и падать, веря, что летаешь,
Молчать учиться, слушать, понимать.

Ты станешь... Только снова свет играет
В снежинках, пляшущих с осеннею листвою,
И кто-то, кто тебя, как будто знает,
В глаза посмотрит вечной тишиной...

И каждый, как горазд, слагает сам
Свой реквием по преданным мечтам.

А мне весна недавно улыбнулась
Скупой улыбкой средь набухших туч,
И, подмигнув, сей час же отвернулась,
Оставив лишь косою прозрачный луч.

Его храню во внутреннем кармане,
Как под стеклом засушенный цветок,
И если вдруг зима случится с нами,
Я на кармане застегну замок.

Мне жаль мой луч, хоть он почти не греет,
И слабый свет не виден белым днём.
Я отпущу его, как только потеплеет,
Пусть он идёт своим косым путём.

А мне весна за это улыбнётся,
Глаза зелёные прищуriv в высоте —
Я для неё сберёг кусочек солнца,
Пусть и из жадности, а не по доброте.

Как тихо, шуршащими листьями, время уходит.
Сквозь пальцы сочится песком и прозрачной водой.
И кто-то, кто ищет тебя, километры проходит
По разным дорогам, опять разминувшись с тобой.

Вся жизнь для него — стук колёсный и запах перронов,
Трамвайные стрелки, мосты, перекрёстки дорог,
За грязными окнами вата пустых перегонов.
Уже и не вспомнить, где был самый первый порог.

И множество лиц сквозь усталую память проходит.
Улыбки, глаза, откровенья несёт он с собой.
И что-то теряет, как все. И почти ничего не находит
На пыльных дорогах, на миг разминувшись с тобой.

Убежать бы

Убежать бы в бескрайнее поле,
Где в тумане купаются травы,
Чтобы ветер, бегущий по воле,
Не донёс городскую отраву,
Улететь бы на горную кручу
С ручейком и понурой сосною,
Или в листьев осеннюю кучу
Без разбега нырнуть с головою.
Или просто забраться подальше
В сонный лес, на пригорок весенний,
Дикий остров, неведомый раньше,
Или стать невесомаю тенью.
С облаками заигрывать птицей,
Рыбой плавать в прозрачных глубинах,
Искрой в холоде ночи родиться
Из костра, стать шумящей осиною,
Красным яблоком в чьём-то подоле,
Плеском волн у речной переправы, ...
Что ведёт в бесконечное поле,
Где в тумане купаются травы.

Карандашный набросок

Среди сотен великих картин,
Бесконечно-глубоких и плоских,
Средь чванливых полотен-витрин
Жизнь моя — карандашный набросок.

Для кого-то судьба — акварель,
Буйство масла в тяжёлом багете,
Иль приятная глазу пастель,
Иль гравюра на огненной меди.

У меня — лишь графитная пыль
Пальцем втёрта в попытках офорта,
Нервной графики вычурный стиль —
Мудрено разобраться и чёрту.

В серых линиях — лица друзей,
Руки женщин, красоты природы,
Звёзды в небе, улыбки детей
И косые дожди-непогоды.

В чёрных рисках — прошедшие дни,
За штриховкой — ... не будем о грустном.
Карандашный набросок судьбы...
В перспективе, как водится, пусто.

Анастасия Голоубова

Прекрасное далеко

— Дед, а правда, что раньше за воду нужно было платить? — Толик, прищурившись, смотрел сквозь тонкий, прозрачный стакан на затянутае дымкой солнце. — А дорого получалось?

— А ты откуда такое знаешь? Вычитал где-то?

— Это у нас предмет новый с этого триместра: Э-ко-но-ми-ка...

— Экономика — хороший предмет. Нужный. Важнейшая из наук, я тебе скажу.

— Историчка говорит, что история — важнейшая...

Дед поёрзал в плетёном кресле и удовлетворённо крякнул.

— Историю, Толя, всякий перевернуть норовит. Да и не сложно это: как живых свидетелей не осталось, так и сочиняй, что хочешь — никто уж тебя не одёрнет. А с экономикой не поспоришь, она, брат, мечтам и вымыслам не подчиняется... А что за воду платили раньше — это правда. И даже не за питьевую, очищенную, а вообще... За самую обычную воду, без особой гарантии качества. Это мне мой прадед рассказывал, а уж он совершенно точно знал от своего деда — тот, пожалуй, и сам ещё застал такие времена... Прадед мой редкой силы был человек, и здоровья — семьдесят лет прожил, совсем немного до праправнуков не дотянул...

— Деда, а может человек сто лет прожить?

— Сто? Ну, где-то я читал, что человеческий организм на сто лет рассчитан — это древние учёные так полагали. Да только жизнь-то раньше какая была? Медленная была жизнь. Неторопливая. Человек к двадцати годам только учёбу заканчивал. Вот у тебя уж дети будут и второй дом, а то и третий — в двадцать лет-то. А в ту пору к старости только, годам к сорока люди обживались — понятно, что им и сотни-то лет мало будет...

— Ну что, поели? Я убираю со стола! — бабушка шумно вышла на широкую открытую веранду, подкатила стоявший в углу контейнер и, откинув крышку, с показной строгостью посмотрела на деда с внуком — Ну?

— Поели, спасибо хозяйюшка. Очень всё вкусно было!

— Ты мне поюродствуй ещё, старый, сам будешь заказывать!

— Ну вот, чуть что — «старый» сразу — дед, разведя ладони, посмотрел на внука. — Саму-то на улице постоянно патрули останавливают, за нарушение рабочего распорядка, не верят, что она уж на всеобщем обеспечении.

Бабушка довольно хмыкнула и, громко шурша юбками, выкатила полный контейнер на улицу, поставила его в одну линию с десятками таких же темно-серых ящиков и снова скрылась в доме, по пути потрепав внука по волосам.

— Я, может, и пожил бы до ста, да только не уверен, что мне это понравится. Представляю, какими развалинами были те древние долгожители. Это, Толя, эволюция: человек умнее стал, объём мозга увеличился, обучаться стал проще и быстрее, и вообще... Жизнь у нас полнее, чем у наших далёких предков. Мы за свои шестьдесят столько всего узнаём и успеваем сделать, сколько им и за сто лет не успеть было. Были раньше такие, что кричали будто продолжительность жизнь сократилась от неправильного питания, недостатка питьевой воды, загрязнения атмосферы и прочей деятельности человеческой, но они сами себе противоречат: в древнейших источниках можно найти упоминания о том, что жили люди столько же, сколько и мы, а вот короткое увеличение продолжительности век-два назад — это действительно влияние загрязнения... Вроде злокачественной мутации. Вот я тебе прадеда своего сейчас покажу...

Дед достал из нагрудного кармана плоский и тонкий коммуникатор, провёл пальцем по экрану и недовольно хмыкнул, — Закончилась энергия. Поддай-ка мне новый, Толик.

Внук шмыгнул в дверь и через секунду вернулся с небольшой коробкой. Дед вскрыл упаковку, достал точно такой же плоский гаджет, и приложил его к своему, на экране появилась надпись: «Перенос данных».

— Вот. Чуть позже покажу... Ты знаешь, что раньше буки у людей годами не менялись?

— Что, столько энергии было?

— Нет. Энергии им вообще только на неделю хватало, ну, может на две. У них источник энергии можно было снять и заменить на новый. Представляешь, каждый должен был уметь разобрать свой бук и заменить накопитель!

— И что, они так и работали? Годами?

— изнашивались, конечно. А с ними знаешь, что делали? Ре-мон-ти-ро-ва-ли!

— Это как?

— Не знаю, Толя. Я думаю, была возможность как-то вмешаться в структуру и исправить ошибки... Не знаю... И вот, смотри, вот она, твоя экономика: вместо того, чтобы дать одним людям работу, а другим новые, хорошие вещи, наши предки шли таким запутанным путём. Меняли неисправные части, ремонтировали то, что можно просто поменять на новое... Попросту, тормозили прогресс. С той же водой знаешь, как было? Она по трубам, говорят, текла. Каждый брал столько, сколько ему захочется. Конечно, за такое безобразие нужно платить! Вот нам привозят каждый день литр для питья, каждому, ещё три — для помывки — это научно обоснованная норма, больше человеку не выпить и не вылить. Незачем больше. А ведь скольким людям работа! И добыть эту воду надо, и очистить, и по бутлям разлить, да и сами бутли нужно изготовить, и привезти каждый день, в каждую семью её норму — всем дело есть, каждый другому пользу приносит. А если ты свою воду не использовал за сутки, то на завтра она уже ни для питья, ни для мытья не пригодна — там специальные бактерии. Потому что прогресс тормозить нельзя! Экономика, брат.

— Деда, а как это: «по трубам»? Как электричество?

— Как-то так, Толя. Видимо, по улице труба была проложена и каждый свои бутли из неё мог набирать. Водой ведь даже мобили мыли! В то время покрытие было какое-то, что его мыть нужно было... А ещё — посуду.

— Что, посуду?

— Мыли. Водой.

— Зачем?

— О... — дед хитро ухмыльнулся. — Мне когда прадед рассказывал, я ему, честно говоря, не верил, да и потом никаких подтверждений этому не нашёл. Но в общую картину это вполне вписывается... Понимаешь, люди сами готовили еду. Я не знаю, из чего и как это можно было делать при их уровне технологии. Тебе по истории рассказывали ведь, что для этого использовали животных. Специальных — «домашних» и, так называемых, «диких» — которые жили в местах с нерекультивированной земной поверхностью. Но как это было в точности я не знаю. Вот... А для изготовления пищи нужны были различные ёмкости и приспособления и все они использовались многократно и долгое время, а для антибактериальной обработки люди использовали кипящую воду...

— Ух ты!

— Ну, не было ничего лучшего. Но это не всё: обычная столовая посуда, все тарелки, блюда, чашки, ложки, ножи, вилки: всё это было многократного использования. Прадед говорил даже, что такая посуда служила нескольким поколениям одной семьи, до ста лет, может быть. Представляешь, сколько нужно было воды, чтобы обрабатывать посуду хотя бы раз в месяц?! И даже люди с максимальным потребительским индексом придерживались такого порядка!

— И им не снижали норму?

— Видимо нет. Я слышал, что даже мобили небыли обязательны. Честно тебе скажу, я до сих пор не понимаю, как наши предки в таких условиях норму потребления выполняли...

— Дед, а на другие планеты люди правда летали?

— Летали. Только это оказалось невыгодно — доставка каких-то ресурсов с других планет обходится слишком дорого. Поэтому свернули космические программы до тех пор, пока у нас подходящие технологии не появятся...

— Я читал, что скоро создадут космический двигатель и начнут строить... ракету. Чтобы на ней полетели ис-сле-до-ва-те-ли на другие планеты. Там написано, что есть много планет, похожих на Землю, и что на них есть большие участки с... рас-ти-тель-ность-ю и... горы. Горы — это как наши полигоны отходов, только они появляются сами, из какой-то «породы»... Я бы хотел быть ис-сле-до-ва-те-лем, изучать горы и делать еду из жи-вот-ных, как наши предки когда-то...

— Экой ты дикарь, Толик. Вот твоему отцу скоро индекс повысят: будете менять дом каждые два года и мобил — каждую декаду. А можно взять мобил с тепловым двигателем — его нужно менять через год, зато он работает на нефтяном топливе, и его нужно заправлять каждый день — это интересно. У меня такого так никогда и не было. И, представь, сколько людей работает в добывающей промышленности, чтобы получить топливо для такого автомобиля, подумай только! А ты, если не будешь дурака валять, и до геликоптера дорастёшь...

— А чтобы ис-сле-до-ва-те-лем, долго нужно учиться?

— Да чему там учиться... Ты подожди, ещё не построили ракету-то. Невыгодное это дело. Экономика, брат — наука точная. Ты учи...

Автор илюстрації: Світлана Коберева. Фанарт по ігрі Mass Effect.

Supertramp

*Мы дети северного края
Да разве могут дети юга...?"
Илья Эренбург*

Густой туман, как испаренье
От ядовитости болот.
Как будто времени теченье
Здесь совершило поворот.

Не выжить вам в природе дикой,
Вы городами сожжены.
Питаясь рыбой, голубикой,
Мы тундрой были рождены.

Качали нас пурга, метели
В своих заботливых руках.
Морозы жгучие жалели,
Рассыпав иней на ветвях.

Мы дети северного края,
И восемь месяцев в году,
О солнце ласковом мечтаю
С утра ступали в темноту.

Веет воздух полынью и мёдом,
За телегами стелется пыль.
У моста под седым небосводом
Головою качает ковыль.

Напоённый природною брагой,
Босиком я иду по степи.
И за мною драчливой ватагой
Озорные летят воробы.

За поросшей багульником лягой,
Там, где роща поёт на ветру,
Лопоухий телёночек с мамой
Кучерявую щиплет траву.

Вдалеке жеребёнок вприпрыжку
Вольный ветер стремится догнать.
Я отдам ему хлеба коврижку
И останусь в стогу ночевать.

Отгремели разрывы за речкой,
Приутихла на время война.
На поля поминальную свечкой
Опустилась с небес тишина.

Героически вас защищая,
Много кто не дожил до утра.
В искорёженных танках сгорая,
До победного бился конца.

Как не просто давались прорывы,
И врага был ужасен огонь.
Но в бою предавала нам силы
Не стихавшая в сердце гармонь.

А рассвет поднимался всё выше,
Командира мы знали приказ.
Ну, ребята, Берлин ведь всё ближе,
Так ударим в последний же раз...

Аркадий и Борис Стругацкие. Продолжение

В предыдущем номере мы с Вами начали говорить о жизни и творчестве великих советских фантастов — братьев Стругацких. Как Вы помните, нам не хватило места для того, чтобы рассказать о них все, что нам хотелось, поэтому в 15 номере Вас ждет продолжение их биографии.

Закончили мы на самом начале 1971 года, а именно на выходе романа «Обитаемый остров». Соответственно, в этом номере повествование начнется с последующих событий.

В феврале и марте Стругацкие работали над «Пикником», и закончили черновик к 4 апреля 1971 года. Довольно быстро. Связанно это с тем, что как раз в это время в Германии вышла, без ведома авторов, «Сказка о тройке», за которую им еще приходится извиняться, помните, я об этом уже писала? Злость на Систему, вызванная этим событием, дала энергию для работы.

В целом, год прошел в суете, которая никак не была связана с литературой. Конечно, они работали над «Пикником», продолжали работу над «Градом». Но от повестей их постоянно отвлекали другие проблемы, которые нужно было решать. Несмотря на это, к ноябрю они завершают «Пикник на обочине».

В «Авроре» выходит повесть «Малыш», частями, в 4 номерах: с августа по ноябрь.

В конце года Аркадий Стругацкий наконец обзаводится своей квартирой, тоже по-своему великое событие, в ней он прожил до конца жизни. Правда, куплена квартира в рассрочку на 15 лет, почти как наша ипотека. Но ведь лучше так, чем всемером в трехкомнатной квартире. Любопытная деталь: именно в том доме и подъезде, где Стругацкий купил квартиру, снимался фильм «Ирония судьбы».

72 год оказался еще более сложным, особенно в вопросе литературной работы. Даже на дневники особо времени не хватало. В начале января удалось поработать над сценарием для экранизации «Понедельника». А затем вновь продолжается работа над «Градом». Обратите внимание, это уже третий год работы над произведением, и к концу мая наконец-то закончен черновик.

Тогда же из «Молодой гвардии» пришли первые замечания к «Пикнику», и Борис садится делать правки. Аркадий в это время работал над сценарием мультика «По следам космического Негодяя». Теплилась надежда, что «Пикник» все-таки напечатают отдельной книгой. Однако очень быстро стало понятно, что надежды тщетны.

В сентябре Борис поехал в Варшаву. Это его первая поездка за границу. Было интересно, и, в чем-то, приятно. Ведь по-хорошему Стругацких могли и не выпускать из страны, многих и за меньшее не выпускали. Да и намекали им не раз, что они не выездные.

Ну и под конец года братьев снова огорошили, на этот раз изданием «Гадких лебедей», и снова во Франкфурте, в журнале «Посев».

73 год начинается с работы над повестью «Миллиард лет до конца света». А Летом Маша, младшая дочь Аркадия, поступает в Московский институт инженеров транспорта.

В конце лета Борис уже с женой снова едет в Варшаву. Получился этакий семейный отдых за границей. Польша— это уже не Советский союз, хотя и дружественное государство. Здесь было проще достать запрещенную литературу, и большую часть времени Борис проводит в номере, читая книги. Благо, у него хватило житейской мудрости не брать ничего с собой. А на таможню и правда кто-то по-дружески сообщил о Борисе. В итоге досматривали их с особым пристрастием, но ничего крамольного не нашли.

В конце года в сборнике «Талисман» выходит повесть «Малыш». А в заключительный том «Библиотеки современной фантастики» Бела Клыueva умудрилась пропихнуть последнюю главу из «Пикника». Аркадий уезжает в Душанбе, работать над сценарием фильма для местной киностудии. За него обещали большие деньги, а в деньгах тогда нуждались оба брата.

В Москву Аркадий возвращается только в конце января 1974 года. И уже в начале февраля без предупреждения к нему приезжает Борис, и они садятся писать «Парня из преисподней». План набросан уже давно, и к концу февраля они закончили повесть. В конце года она вышла все в той же

Иллюстрация к повести «Пикник на обочине»
Автор — Екатерина Трашкова.

А может это просто
пикник на обочине
сделать
добро
из
эль
болше
не из
могис
стадкеро
без
очередн
счастье даром и пусть никто не уйдёт обиженным для всех

«Авроре».

А затем братья снова сел за заброшенный некогда «Миллиард лет до конца света». Правда работа шла не слишком хорошо. Создавалось впечатление, что само Мироздание, так детально прописанное в «Миллиарде», противится написанию этой повести. Различные мелочи не позволяют братьям встретиться, когда же Аркадий все-таки приезжает в Ленинград, работа тем более не клеится. И причина вполне реальная, одного из друзей Бориса арестовывают за распространение запрещенной литературы, а Бориса с женой, как и все окружение арестованного, таскали в органы на допросы. Разве в такой обстановке можно работать? Когда стало понятно, что тюрьма Борису не грозит, Аркадий уехал обратно в Москву.

Однако Мироздание все же проиграло братьям, потому что в итоге повесть была написана, а все, что так сильно мешало Стругацким, стало частью повести, и сделало ее еще более яркой и впечатляющей. И закончили они свою работу, по старой доброй традиции, в конце года.

Что в 1974 году случилось принципиально важного для братьев? Почти полностью сменилось руководство издательства «Молодая гвардия», где раньше часто печатали Стругацких. Если последние несколько лет редакция вела хоть какой-то диалог с писателями, откладывая публикации до лучших времен, то новое начальство на переговоры не шло принципиально. Слало лишь глупые до нелепости отписки, мыслимо ли, ссылались даже на нехватку бумаги.

Этот же год можно считать годом зарождения семинара Бориса Стругацкого. Здесь считаю нужным вернуться немного назад. В Ленинграде при Доме писателей Илья Варшавский еще в начале 70-х организовал семинар для молодых фантастов, однако он очень тяжело заболел в 73 году, и с того времени Борис начинает его подменять. А в 74 Варшавский умер. Борис поддержал идею семинара, продолжил его вести своими силами. И вел н их практически до самой своей смерти. Эти семинары стали настоящей кузницей кадров сначала советской, а потом и российской фантастики.

А Аркадий после окончания работы над «Миллиардом» сталкивается с новым для себя явлением: так называемой «творческой депрессией», когда после окончания какой-то работы накатывает апатия и тоска. Теперь она станет его постоянным спутником. Однако сила духа у Аркадия достаточно велика, и уже к 18 января 1975 года он снова готов к работе, они с братом едут в дом творчества в Комарово, где предпочитают писать последующие годы, дорабатывать «Град обреченных». Впервые дорабатывать не для того, чтобы попытаться опубликовать, а для того, чтобы на время убрать в стол, а точнее спрятать у самых близких друзей. Сами братья прекрасно понимают, что эту книгу сейчас не опубликует никто и ни за что.

В это же время появляется идея повести о человеке, которого было опасно обижать. Братья даже придумали название - «Хромая судьба». Правда название это потом будет передано другому произведению. А идею Стругацкие будут реализовывать по отдельности, каждый сам, и уже значительно позже.

А в феврале Аркадий неожиданно отправляется в санаторий в Кисловодск. Неожиданно потому, что он просто не любил подобные учреждения, и никто не мог даже предположить, что он послушает совет доктора. А к врачам его отвела жена. Правда, не столько для лечения, сколько для того, чтобы познакомить со своим давним знакомым, другом семьи. А тот в свою очередь приводит на эту встречу своего товарища, Юрия Чернякова, кардиолога. Через пять лет он стал персональным врачом Аркадия и близким другом.

А еще в марте появляется Тарковский, который одержим экранизацией «Пикника на обочине». Идея была хороша, и братья взялись сочинять заявку на сценарий. Ну а в сентябре 75 они начинают обсуждать новую повесть. Рабочее название – «Стояли звери около двери», а в последствие ее назвали «Жук в муравейнике».

76 год почти полностью уходит на работу над «Сталкером», и совсем немного над «Жуком». Летом случается два события, которые сильно портят настроение братьям: во-первых, к приближающемуся съезду партии пришло письмо, с поддельными подписями обоих братьев, в котором те, якобы, требовали перестать чинить им препоны в печати, и угрожали уехать в Израиль, во-вторых, Андрей, сын Аркадия, не добывает одного бала, и не поступает в институт.

А в конце года Борис продает свою коллекцию марок, и, наконец, приобретает свою

первую машину. Для него, как автолюбителя, событие это крайне приятное. До сих пор он разъезжал по стране на арендованных машинах.

В марте 77 Борис с острой болью в животе попадает в больницу, сразу на операционный стол. Ему удалили селезенку. Более того, во время операции возникли осложнения, требовалось срочное введение дыхательной трубки, и ускорили этот процесс за счет удаления зубов. Сам Борис даже сразу после операции относился к этому иронически.

В августе Андрей снова пробует поступить, и у него это даже получается, но нервов и у самого Андрея, и у Бориса уходит очень много. В целом 77 год в литературном смысле не плодотворен. Полным ходом идет работа над «Сталкером», да и обстановка все еще не рабочая, продолжается война с «Молодой гвардией» за книгу, по которой уже снимается фильм.

78 год также богат скорее не на литературные, а на личные события, стоит лишь отметить, что именно в этот год начинается серьезная работа над «Жуком».

Елена вдруг, ни с того ни с сего, меняет наконец фамилию с Воскресенской на Стругацкую, а затем они с Аркадием едут в Болгарию. А еще братьям поступает предложение на экранизацию «Понедельника». Причем очень неожиданное, им предложили сделать из него мюзикл. Бориса это предложение не заинтересовало, так что над сценарием работал только Аркадий. В итоге получились известные всем «Чародеи», вышедшие под новый 1983 год. Кстати, тогда оба брата были сильно разочарованы тем, что получилось. Лишь много позже Борис смог без содрогания смотреть его, и даже признал, что он достоин внимания.

Мария Стругацкая заканчивает институт и выходит замуж. Правда брак этот длится фактически меньше года. Конечно, официальный развод оформят позже. И останется от этого брака сын Иван.

А в конце года завершаются съемки «Сталкера». Закончена долгая и трудная работа, безусловно, интересная, но очень утомительная. На экраны же фильм выйдет только в мае 80, очень уж долго его не пускали в прокат. Зато цензурных правок в него почти не вносили.

Работа над «Жуком» продолжается и в 1979 году до 30 апреля. В целом же, год для братьев, и, главным образом, для Аркадия, очень тяжелый. Во-первых, имеет место кризис в отношениях с Еленой. Из-за этого он старается как можно реже бывать дома. Впрочем, над повестью работают все же в Москве. А Елена уходит с работы в связи с рождением внука Ивана.

В конце лета впервые дают о себе знать проблемы с сердцем. Почти весь август Аркадий проводит в больнице. Лечит его Черняков. И в этот раз, и всю его оставшуюся жизнь.

Ну и самый страшный удар для братьев – смерть матери. Умерла Александра Ивановна 18 сентября.

На таком фоне как-то уже и не сильно радостно выглядит то, что в журнале «Знание – сила» выходит «Жук в муравейнике», а издательство Детская литература переиздает «Понедельник» под одной обложкой с «Парнем из преисподней».

В этом же году начинает в полную силу работать московский семинар фантастики, который почти сразу стал таким же известным, как Ленинградский. И роль он в развитии нашей фантастики сыграл ничуть не меньшую.

1980 год — год победы Стругацких над «Молодой гвардией». Именно тогда, наконец, выходит сборник «Незначенные встречи», куда вошли три повести братьев: «Извне», «Малыш» и, наконец-то, «Пикник на обочине». Начиная с этого года отношения писателей с издательствами становятся значительно теплее, что не может не радовать.

Однако положительные моменты 80-го года на этом закончились. Весной из ЛГУ отчисляют Андрея. Борис до последнего не любил вспоминать о той истории. Выгнали его, вроде бы, за дисциплинарные нарушения и хвосты, хотя подоплека все же была политическая. Более того, данная история имела не менее неприятное продолжение. Первый секретарь Ленинградского Союза Писателей вызвал Бориса к себе, и рекомендовал, почти по-дружески, притихнуть, отсидеться. В итоге оставшиеся с того момента две встречи ленинградского семинара в 80-ом провел не

Учреждения и новости «Жизнь в музее»

Альбом учреждения - Ирина Рейсман

Стругацкий, а Евгений Брандис.

А Андрей Стругацкий осенью ушел в армию, и загремел в стройбат. Впрочем, после возвращения из армии, Геофак он все-таки закончил.

Осенью 80-года проблемы с сердцем начинаются уже у Бориса. Диагноз — стенокардия. И в феврале 81 года Борис вновь попадет в больницу, на этот раз с инфарктом. Оправился он относительно быстро, но раз и навсегда бросил курить.

Зато в начале 80-х Московский семинар начнет работать регулярно, каждый месяц, с перерывом на лето. Аркадий, в отличие от брата, вести эти семинары никогда не будет, да и посещал они их не слишком часто. Он предпочитал общаться с молодыми писателями в более уютной, домашней обстановке.

В это же время поднимается вопрос о переезде семейства Аркадия в Ленинград. Здоровье братьев уже не позволяло им постоянно мотаться туда-сюда, да и в домах творчества работать они просто боятся: случись приступ, даже врача вызвать будет некому. Подобрали даже квартиру, однако они так и не переедут, причин тому несколько, и ухудшение здоровья Аркадия играет в этом не последнюю роль.

В 82 году братья наконец-то садятся за работу над повестью «Хромая судьба». Мало кто считает ее по-настоящему удачной, о ней вообще редко говорят. Причина этого, скорее всего, вовсе не в низком качестве, просто «Хромая судьба» — это не фантастическая повесть. Это повесть о фантастике. И относиться к ней нужно соответственно. Ну и стоит ли говорить, что с самого начала работы над ней, писатели даже не надеялись ее опубликовать, и, также как с «Градом», работали в стол.

5 сентября 1982 года умирает Илья Михайлович Ошанин, тесть Аркадия. Аркадий к нему всегда относился очень хорошо, и это была, безусловно, большая потеря для всей их семьи. Особое впечатление смерть деда произвела на Машу, которая просидела с ним всю его последнюю ночь.

В октябре братья заканчивают черновик «Хромой судьбы». Несмотря на то, что Елена опасалась отпускать Аркадия из Москвы, окончание работы над повестью проходит в Ленинграде. В этот же приезд они начинают разрабатывать повесть «Волны гасят ветер». А еще в 82 году в свет выходит «Жук в муравейнике» и впервые в книжном варианте «Отель «У погибшего альпиниста».

«Волны гасят ветер», вышедшие в 1983 году, стали последней повестью в полуденном цикле. При этом многих она разочаровала. Особенно насторожил нестандартный способ подачи информации: в виде перечисления документов. Почти никто не понял, что же на самом деле хотели сказать авторы. Повесть получилась грустной, мрачной, никак не соответствующей миру Полудня.

Здоровье Аркадия постепенно ухудшается, и они все чаще работают в Москве, а не в Ленинграде, как раньше. О поездках в Дома творчества речи и вовсе не идет.

В августе 1985 года Маша второй раз выходит замуж, за Егора Гайдара. Теперь у них будет совсем большая семья: у Марии уже есть Ваня, у Егора — Петя и Маша, от первого брака. После родился у них и совместный ребенок, мальчик Паша.

А Аркадию в этот год исполнилось 60 лет - юбилей. Правда отмечает он его не дома: уезжает с женой по приглашению друзей в Ереван. А в конце осени они с Борисом готовят к публикации «Хромую судьбу». Это большой прорыв, ведь ее они вообще не надеялись напечатать в ближайшее время.

Конец 80-х — это вообще странное время. Новая власть совершенно по-новому относится к интеллигенции, и на первый план вполне естественно выходит литература. Правда написано за это время действительно хорошего не так уж и много. А из «закромов», где хранилось годами не напечатанное, извлечено очень много. Для писателей, которых до этого не печатали, настало счастливое время.

В конце 85 года Стругацкие начинают работу над последним, как потом оказалось, своим совместным крупным произведением: «Отягощенные злом». Потом будет только небольшая пьеса, и все, дальше только сольные работы. Правда, в декабре они успели лишь набросать план. За черновик взялись в 86. Братья снова начинают выезжать в дом творчества, но уже не в Комарово, а в Репино.

В журнале «Нева», в августовском и сентябрьском номерах, выходит повесть «Хромая судьба». Тогда же поступает предложение от Владимира Михайлова опубликовать «Гадкие лебеди» в его журнале

«Даугава». Еще имеется некий страх, и публиковать предполагается под измененным названием: «Время дождя».

Не стоит забывать, что в этом же, 86 году, произошла печально известная Чернобыльская катастрофа. Нас она интересует в том плане, что очень многие проводили параллель между теми событиями и повестью Стругацких «Пикник на обочине». Братья писали, конечно же, совсем про другое, но сами ликвидаторы рассказывали, что зона отчуждения вокруг АЭС и вправду похожа на то, что описали авторы. Для ликвидаторов эта книга стала культовой, они напрямую ассоциировали себя со сталкерами.

1987 начался с писем от издательств, которые почти умоляют прислать им хоть что-нибудь новое. Становится понятно, что в ближайшее время можно будет опубликовать все, что уже есть, и все то, что еще успеют написать. Работать хочется очень, хотя все больше становится отвлекающих факторов. Весной братья редактируют «Град обреченных». Не забывают они и об «Отягощенных злом». Почти целиком его написали за этот год, лишь самый конец оставят на январь 1988.

Было еще одно событие 87 года, которое стоит упомянуть: на имя Стругацких в Союз Писателей пришло приглашение на Всемирный конвент Фантастов в Великобритании. Приглашения такие приходили им и раньше, но времена были другие, до Стругацких они не доходили. Впрочем, изначально и в этом году до братьев приглашение не дошло. В СП его по привычке запихнули куда подальше. Не учли они, что реальность изменилась.

Несмотря на все попытки скрыть этот факт, информация о приглашении просочилась за предел Союза Писателей, и один из друзей Аркадия, Михаил Ковальчук, списался с организатором Конвента, предложив выслать повторное приглашение. Оно было выслано и даже передано писателям. Вот только Аркадий воспротивился, заявив, что никуда не поедет. Уговаривали всем миром, и, в конце концов, уговорили поехать за компанию с братом. Ну, не отправлять же его одного.

Главным событием мира фантастики в 1988 году стало создание издательства «Текст». У его истоков стояли постоянные посетители и организаторы Московского семинара. К слову, именно это издательство через пару лет начнет готовить к печати полное собрание сочинений Стругацких. Планировалось сделать его десятитомным, а в итоге получилось аж 14 томов. Это было одно из первых частных, а значит, независимых издательств.

В конце года братья начинают работать над пьесой «Жиды города Питера, или Невеселые беседы при свечах». Она стала последним совместным произведением писателей. Но тогда этого, конечно же, никто не знал. С уверенностью можно сказать, что последняя вещь удалась на славу, став очень яркой точкой в их творчестве.

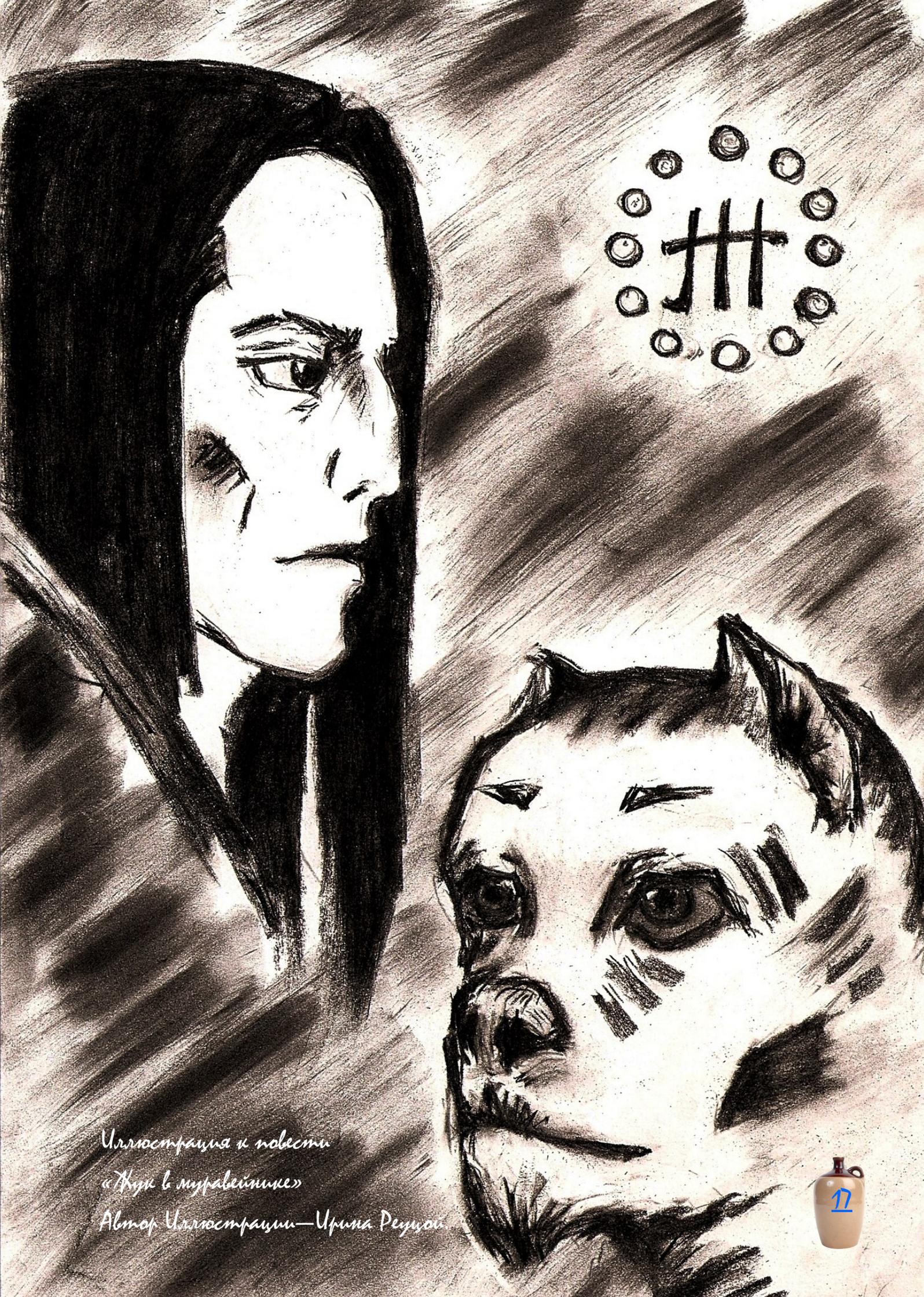
Однако и в 88 и в следующем 89 они работают все больше над планами, персонажами и названием. Собственно начали писать текст только в конце 89 года, 7 декабря. Основная же работа приходится и вовсе на 90 год. Заканчивают они пьесу в апреле, а в сентябре она уже выходит в «Неве». А затем даже была поставлена в театре на Малой Бронной. И идет, если я не ошибаюсь, до сих пор.

Начало 90 для всех было очень непростым, и в особенности, для братьев Стругацких. Прежде всего, стоит вспомнить о том, что Аркадий все хуже себя чувствует. При этом ему приходится довольно много выбираться из дома на различные семинары, встречи и выступления, он вместе с братом пишет множество статей на самые разные темы. Страна меняется, и активность именно тогда имела огромный смысл для пока еще советской фантастики.

В семье старшего Стругацкого трудностей не меньше. Так, проблемы с сердцем начинаются теперь уже у старшей дочери Аркадия, хотя ей в это время нет еще и 40 лет. Причем проблемы эти настолько серьезные, что Наталье требуется дорогая операция, которую в нашей стране просто не делают.

В то время очень удачно подвернулось предложение поучаствовать в продвижении фильма на территории Германии. Это была уникальная возможность получить столь необходимые деньги. И Аркадий едет, хотя при других обстоятельствах его вряд ли удалось бы уговорить. Даже если аналогичная операция требовалась бы ему самому. 22 января Аркадий, Елена и Наташа

Урлюстрация к повести
«Жук в муравейнике»
Автор Урлюстрации — Ирина Ревцова.

вылетают в Германию.

В августе, почти сразу после 65-летия Аркадия, к нему приходят в гости пятеро молодых людей и одна девушка: Игорь Евсеев, Вадим Казаков, Сергей Лифанов, Юрий Флейшман, Михаил Шавшин и Светлана Бондаренко. Ребята эти представляли группу «Людены», которая тогда только образовалась. Именно эта группа проводила затем полномасштабные исследования творчества Аркадия и Бориса Стругацких. Они общались с Аркадием, задавали ему множество разных вопросов. Фактически — это было коллективное интервью. Но главное значение их визита даже не в этом. Они, по просьбе Бориса, перевозят большую часть Московского архива братьев в Ленинград. К сожалению, вывезти оставшуюся часть они не смогли, и на данный момент она считается утерянной.

В рабочем дневнике братьев в этот период практически нет записей. Есть наработки «Дьявола среди людей» и «Поиска предназначения». Эти произведения братья писали уже порознь. И если в написании «Дьявола» Борис хоть как-то почувствует, то «Поиск предназначения» написан Борисом вовсе без помощи Аркадия. В этом возрасте разница между братьями становится вновь слишком большой, взгляды на жизнь и на работу у них теперь не совпадают, поэтому и совместного творчества не получается.

«Дьявол» был закончен Аркадием в апреле, и, хотя от повести явно остается ощущение незаконченности, доделывать автор ее уже не стал. Не было никакого желания работать. Вышла эта повесть в издательстве «Текст» под псевдонимом Ярославцев.

«Поиск предназначения» выйдет позже, да и закончена будет уже после смерти Аркадия, в 1994 году. И тоже была опубликована под псевдонимом, Борис выбрал фамилию Витицкий.

6 октября в театре на Малой Бронной прошла премьера пьесы «Жиды города Пиера». А 12 октября 1991 года Аркадий Стругацкий умер. Все родные и близкие очень тяжело переживали смерть этого великого человека. Особенно трудно пришлось, пожалуй, все-таки Борису. Они были слишком близки, годами они учились понимать друг друга, работать на одной волне, мыслить одинаково, чувствовать одинаково. Они стали практически единым целым, и смерть одного больно бьет по второму. Последний раз Борис был в Москве в день похорон брата, 16 октября.

Впрочем, остальным близким приходилось не менее тяжело. Елена пережила мужа всего на 3 года, и умерла в марте 1994. После смерти Аркадия она просто не хотела жить. Мария даже боялась, что мать наложит на себя руки, и старалась не оставлять ее одну. Часто забирала к себе. Умерла Елена Ильинична от обширного инсульта.

Согласно завещанию, тело Аркадия было кремировано, а прах развеян по ветру. Точно также завещала сделать и его жена, поэтому могил у Аркадия и Елены нет.

Первое время после смерти брата, Борис не был уверен, что вообще когда-нибудь снова начнет писать. Однако у него лежал незаконченный роман, и позже он вернулся к нему. «Поиск предназначения» получился не менее интересным, чем совместные произведения авторов, к тому же очень автобиографичным.

Затем был второй роман, «Бессильные мира сего». Это произведение вызвало много споров. Мнение читателей разделились, кто-то считал его едва ли не лучшим среди всех произведений Стругацких, кто-то ругал и критиковал, говорил, что в романе автор слишком далеко ушел от общего стиля братьев. Впрочем, последний аргумент вряд ли можно назвать объективным. Каждый автор имеет собственный стиль. Соавторство неизбежно сглаживает, сплавляет два стиля в одно целое, работая сольно, Борис проявил свою индивидуальность. А писать так же как они писали вместе с Аркадием, он просто физически не мог. Это не значит, что текст плохой, просто он другой. Впервые это произведение было опубликовано в 2003 году. Издан он также под псевдонимом Витицкий.

И без того замкнутый Борис, после смерти брата появлялся на публике еще меньше. У него не было никакого желания расширять свой круг общения, с журналистами он не соглашался встречаться принципиально. Его общение с окружающим миром теперь выглядело совершенно иначе. Он много пишет статей на различные темы, переписывается с читателями через их официальный сайт, где до последнего велось офф-лайн интервью с метром, ну и, конечно же, семинар. Именно в нем Борис находил утешение в последние годы. Без преувеличения можно сказать, что семинар в этот период стал главным делом в его жизни.

Было и еще одно занятие, которому Борис обязательно уделял внимание. В 1998 году Центром современной литературы и книги была учреждена Международная литературная премия в области фантастики имени Аркадия и Бориса Стругацких, в просторечии АБС-Премия. Премия вручается 21 июня, начиная с 99 года. Дата выбрана не случайно, это ровно середина между днями рождения двух братьев.

Выбор лауреатов происходил следующим образом: специальная комиссия из фантастических книг, вышедших за последний год, выбирает те, которые могут претендовать на получение премии, Борис прочитывали все и выбирал несколько лучших, по его мнению, затем из этих книг путем тайного голосования жюри выбирался победитель. Голоса так же подсчитывал сам Борис.

Для полного собрания сочинений братьев Стругацких Борис подготовил книгу под названием «Комментарии к пройденному». В этой книге подробно описана история созданий всех произведений писателей.

Более подробную информацию о Борисе Стругацком найти сложно, потому что он крайне не любил афишировать детали своей личной жизни. Возможно теперь, после его смерти, биографы займутся этим вопросом вплотную, пока же придется удовлетвориться этими скудными сведениями.

А тем, кто захочет узнать об Аркадии и Борисе Стругацких больше, могу порекомендовать книгу Анта Скаландиса «Братья Стругацкие», материалы из которой и были использованы для создания этой статьи.

Объявление

Литературный турнир памяти братьев Стругацких "Понедельник продолжается"

Дедлайн: 7 апреля

сайт турнира: <http://houseofmaestro.ru/>

сообщество vk: http://vk.com/cup_of_strugatsky

У лучших рассказов есть возможность быть опубликованными.

Финальные судьи турнира: Ник Перумов, Сергей Лукьяненко, Роман Злотников, Дмитрий Емец.

Кукла и фотография работы
Анастасии Новиковой.

Маргарита Курешева

Величие загадочной вселенной

Не обозреть ни глазом, ни умом
Величие загадочной Вселенной.
Там, в безвоздушном царстве ледяном,
Счёт не в годах, как в нашей жизни брэнной.

Там измерения в миллиардах лет.
Спирали, норы, дыры, взрывы, струны.
Темна туманность — колыбель планет,
Вокруг которых тоже кружат Луны.

Земля — песчинка, атом, электрон
Среди созданий величавой Бездны.
Где есть такой же синий небосклон,
Как у любимой дочери Вселенной?

Так мало нам отведено блистать,
Как коротка природа человека!
Мы превратимся в прах, а ей витать
Среди других Вселенных век от века.

Парк осенний притих

Парк осенний притих,
дождь шуршит монотонно,
И не слышно шагов
на осеннем ковре,
Дворник машет метлой
по-хозяйски спокойно,
Груды "золота" мокнут
на пожухлой траве.

На душе хорошо;
птички в луже холодной,
Дворник, осень и дождь,
ворон смотрит мне вслед,
И двойняшек бабуля
качает любовно,
Держит зонт моложавый,
гордый внуками дед.

Парк осенний притих,
только пара влюблённых
Оживлённо смеётся.
Я иду не спеша...
...Было б в жизни полос
больше белых, чем чёрных...
Впрочем, что рассуждать?
Всё же жизнь хороша.

Карина Через

Ты только вернись, хорошо?

Я не помнил о ее существовании.

Нет, конечно, я не забыл ее. Точнее, я просто знал, что она есть. Каждый день, а может и через день. Но суть ведь не в этом, верно? Суть в том, что, несмотря на все «я забыл», «я уже давно отпустил», на каждое «мне безразлично», я понимал, что я люблю ее.

Да это удел каждого, ну ладно, почти каждого.

В общем, я начну? А вы уж решите, читать или нет.

Итак.

Познакомились мы с ней здесь — в сети. Да, как это было модно тогда, под никами. Общение пошло с первого сообщения, сейчас я этому безмерно удивляюсь. После тринадцати лет я ни с кем не шел на контакт так просто, даже в самых не трезвых ситьюэйшн. А с ней произошло все быстро. Только одна незадача, между нами час на самолете, пятнадцать часов на поезде, около полутора суток автомобилем, между нами что-то около 816 километров, я уже плохо помню, что выбивал спидометр, он разбился, когда я, заснув, врезался в то зловещее деревце. Зато я четко помню, как лежал 15 минут без сознания, накрыв руль, как растекшееся желе. И в моей голове тогда затеялся монолог, собственно говоря, он мне же и принадлежал.

Пока из моего носа стекала кровь, размешивая белый салон машины, я думал: «А может, она только что почувствовала то, что со мной произошло что-то неладное? Да нет, скорее всего, она спит, натянув одеяло от кончиков пальцев до самой головы. А может, она звонит мне сейчас? А я не могу нащупать этот дурацкий телефон, почему в самый нужный момент он всегда оказывается просто кусочком вредоносного метала, ну вот почему?! Хотя, зачем ей звонить? Она даже не знает, что я был здесь, что я был рядом, что я сидел в машине и смотрел на ее окна, пытаюсь отыскать этот силуэт, но так ничего и не увидел».

Вот почему я говорю, что все было быстро. Когда мы были знакомы уже где-то полгода (полгода «дружить» в интернете?), я поехал к ней, просто сел за руль, взял необходимые документы и уехал. Но я ничего не сказал ей, я хотел найти ее сам, ведь я не знал ни адреса, я не знал ничего, кроме названия города, приблизительных построек (это я заметил на фотографиях), и ее имени.

Я уже начал представлять, как буду рассказывать потом об этом нашим детям. Каждый вечер, как сказку, укладывая их в постель. Я сотни, тысячи раз прокручивал в своей несчастной голове наше будущее. Что она ответит, когда я признаюсь в любви, что на ней будет, когда мы впервые пойдем гулять. Я даже знал, что гулять мы должны пойти на набережную, где я начну читать ей прозу, а она будет смущенно улыбаться, украдкой поглядывая на мои шевелящиеся губы. Я все это знал.

Да, и на заметку, до нее я не был столь романтичным, пафоса у меня было больше, чем родинок, а родинок у меня не мало, уверяю вас.

Но она так и не узнала об этом. Ведь именно тогда, мы первый раз серьезно поссорились. Я был сдержан и так же сдержанно закрыл страницу интернета, закрыв свое сердце, но вот об этом я еще не знал.

Я обвинял ее во всем. И себя. Каждый день я находил в себе сотни недостатков.

Но я не буду разжевывать причины и подробности... они ни к чему, ладно?

После той поездки прошло месяца четыре. И ничего не изменилось, уж сейчас я могу честно в этом признаться. Ну, разве что сам я. Меня перестала радовать зима и снег, хотя раньше я ждал этот сезон с такой жадной. Я раза три менял плейлисты в айподе. Два раза

красил машину. Вот это было самым безрассудным.

Каждое утро я нехотя вставал с постели и гладил небритые щеки, стоя у зеркала.

В общем-то, я делал все, чтобы она, не дай Бог, не всплыла в моей голове.

Ах да, за эти четыре месяца у меня были другие девушки. Но ничего серьезного нас не соединило. Глядя им в глаза, я понимал, что ни одна из них никогда не увидит во мне то, что видела она. Они видели только ширинку моих штанов, мое смазливое личико, и да, еще они любили мой зад. Они хотели провести со мной ночь, а я хотел уехать к ней. И я уезжал, я ездил, я опять садился за руль и катался по ее городу, мечтая увидеть ее, переходящую через дорогу. И мне кажется, что один раз у меня это получилось. И у нее получилось заметить меня.

Но она тряхнула головой, как будто на волосы попали капли дождя, а я быстро свернул влево. Я ехал минут двадцать хрен знает куда и на какой скорости. Резко остановившись, я заметил эту тишину, и только сердце так «Бах-бах-бах-бах-бах».

— Надо же. И это с пятого раза!

А потом я молча возвращался домой, ни звука магнитолы, ни звука собственных мыслей, ни собственного голоса. Я ехал в полнейшей тишине.

Только этот ее поворот головы, градусов так на сорок пять, только это прокручивалось в моей голове.

И это после всего того, что я говорил Димке, когда он спрашивал у меня:

— Ну как ты? Вы с ней больше никак, нет?

— Нет.

— А ты что?

— А что я?

— Ну это... ты себя как чувствуешь-то?

— Я не думаю о ней, если ты об этом. И вообще это была фигня, ты же меня знаешь.

— Ааа, так ты другую бабу нашел, сучий ты сын?

— Нет, я вот думаю, что Милтона (верная собака, подаренная тем же Димкой на мое восемнадцатилетие) пора бы к ветеринару сводить, весна все-таки.

— У нее третий, да?

— А ты все о сиськах, да там вообще мужик-ветеринар.

У Димы не было постоянной спутницы, но он хоть о сиськах думал.

А я ждал, что она напишет. Каждый вечер я просматривал телефон, надеясь, что что-то я все-таки упустил.

И дождался. Только я совсем не там искал. Забирая почту утром, каким-то утром, по-моему, это было мартовское утро, я нашел его. Я нашел письмо. Письмо от нее. Я быстро вложил его обратно между газет и начал нервно тискать кнопку лифта.

Зайдя в квартиру, я положил эту кучу бумаги на стол. И, поглядывая туда через левое плечо, пошел готовить кофе. Чайник оказался горячим, и еще более растянуть время у меня не получилось, пришлось вернуться за стол и достать этот белый конверт из ненужных листов рекламы.

Открывая его, я ожидал увидеть исписанные листы А4, какие-то зачеркивания, но я увидел всего строчек пять.

— Чтооо? ,— переведя дыхание, я спокойно улыбнулся. — Господи, как же долго я этого ждал.

« Я видела тебя, и я знаю, что это был ты.

Я люблю тебя, слышишь?

И я все поняла. Ты только вернись, хорошо?»

...

— Чееерт, ну и где же ключи?!

Anaemacua Hobuola

K-5
21

Дарья Камелая

Жрица солнца. Отрывок.

К полудню золотые поля остались позади, и над дорогой сомкнулся чужой величавый лес. Именно что чужой. Полина теперь не узнавала большую часть растущих здесь видов трав, да и деревья стали неуловимо другими, шире в объёме, а кора как будто темнее. Лес был дремучим, одни лишь лиственницы и ели росли здесь, и кабы не протоптанная сотнями ног дорога — блуждать в такой чаще довелось бы долго.

Вороной жеребец Яра перешел на шаг. Всадник замер в седле, к чему-то напряженно прислушиваясь. Девушки остановились прямо за ним. Полина хотела спросить, что случилось, но не успела. Земля под копытами лошадей вдруг разверзлась, будто хозяин мертвых угодий решил немедля призвать путников к себе!.. Короткое, стремительное падение. Удар. Темнота и комья грязи во все стороны! Закричали от боли и страха животные, упавшие на колени.

— Щиты! — скомандовал Яр, — Поднимите щиты! Живо!

Почти ничего перед собой не видя, Поля кое-как нащупала деревянный щит, притороченный к седлу Бруснички. В воздухе все еще висела земляная пыль, взгляд выхватывал неровные стены, оплетенные сеткой корневищ. «Мы в яме! Мы провалились в яму!», — скакали лихорадочные мысли. Яр помог ей поднять щит над головой, прикрылся сам, и тут засвистели стрелы. Стреляли издали, наугад, так что многие наконечники воткнулись в пол, но некоторые все же били по дереву. Яр, Айка и Поля, прижимаясь друг к другу, держали щиты над собой, стараясь укрыть и лежащих лошадей. Полина погрузила обезумевших животных в сон, это единственное, что она сейчас могла для них сделать. Когда ливень из стрел прекратился, Яр вылез из-под щита и взялся за свой лук. Звон тетивы, и спустя мгновение что-то шмякнулось там, наверху. Где-то повыше затрещали ветки, и сорвался на высокой ноте чей-то, не успевший достигнуть полной силы, крик. Поля оборвала себя — не время прислушиваться!.. Сейчас враги достанут запасные колчаны, и новая смертоносная туча закроет небо. Девушка сосредоточилась на собственном прерывистом дыхании и вошла в мир духов. С трудом огляделась. Сердца недругов угадывались сверху кроваво-красными всполохами. Дотянуться до них? Возможно ли такое? Шаг, еще шаг прямо вверх — будто ныряешь в глубину, будто пытаешься пройти сквозь толщу воды. Только вместо той воды — плотный туманный воздух. Виски сдавило тупой болью, в ушах зашумело. Не думать ни о чем. Вперед! Вверх!.. Полина почти дотянулась, почти дошла, как вдруг огоньки чужой жизни стали гаснуть один за другим. Девушка остановилась, недоумевающая. Только две алые вспышки понеслись вперед, туда, где Полине было их уж точно не достать. «Нужно возвращаться». Девушка понимала, что не сможет открыть глаза, пока не вернется к своему телу. Да и не чувствует она тела, стоя здесь. Путь назад показался мучительно долгим, и очень сложным. Полине опять пришлось на ум сравнение с водой, когда пытаешься дотянуться до дна и поднять красивый камушек, а течение раз за разом выталкивает легкое тело на поверхность. Но вот она снова на дне ямы. Не приходя в сознание, срастила сломанные ноги лошадям, да вынула из их шкур несколько стрел, по счастливому стечению обстоятельств, не задевших жизненно важных органов. Удивительно, но лечить животных оказалось не в пример легче, чем людей. А может дело было в особом состоянии девушки, когда она уже и вовсе не чувствовала тяжести собственного тела? Полина с беспокойством поняла, что, кажется, вовсе не дышит. Да и боль в висках больше не тревожит. А глаза как никогда четко могут рассмотреть мир духов. А есть ли у нее глаза? Испуг придавал сил. Страх загнал душу обратно, туда, где боль и слабость тот час дали почувствовать себя живой. Перед тем, как провалиться в черноту слабости, на самой грани сознания почувствовала запах жженого вереска, пряных трав, и прикосновение теплых, родных ладоней ко лбу. «Я с тобой, сестренка»

Целиком роман «Жрица солнца» можно прочитать здесь:

<http://forum.lenizdat.org/index.php/topic,7910.0.html>

*Иллюстрация к роману Дарья Кашевой
«Жрица солнца».*

Художник — Светлана Кобелева.

Карина Лек

Бездомные дети

Возможно, что взрослым,
Живущим на свете,
Не слышно, как плачут
Бездомные дети.

Как словно подвальные
Кошки таятся,
И взрослых, живущих
На свете, боятся.

Сиротствуя, рыщут
Шальными путями
Со взрослыми рядом,
Да-да рядом с нами.

Мы их нелюбимых,
Лишённых, пропащих,
Встречаем повсюду,
Встречаем всё чаще!

Но взгляд отводя
И шаги ускоряя,
Мы их предаём,
И себя не спасаем.

Выходит, что взрослым,
Живущим спокойно,
За горькое детство
Чужое не больно!

И только брезгливость
Мелькнёт и досада.
Бездомные дети...
Так можно? Так надо?

Ира Ничья

Литий

Пунктирные линии
в многоточия превращаются,
а потом тебе снится,
что вовсе и некуда возвращаться,
что ты Маленький Принц,
и взорвал к чертям все свои шаттлы,
что она вот...перед тобой стоит,
на расстоянии одного шага,
а тебя паранойей ушатывает
побыстрей и подальше отсюда сбежать,
променять на пустоту свой крошечный шар.
Нет, не хочется, чтоб она видела тебя жалким
и, врезаясь под кожу, стальное жало
впускает литий.

И тебе начинают сниться вымышленные события,
то, что хотелось в реальности видеть,
те, с кем хотелось бы быть,
с кем мечтал птиц по субботам в парке кормить.
В общем, откровенно простые, но нужные вещи.
А потом тебе снится, что эти сны были вещими...

Арина Феева

Море

...Море. Я иду к нему. Тихо, осторожно, по нагретым полуденным солнцем круглым камушкам... Волны касаются ступней мягко и ласково, с нарастающим любопытством нежно лижут щиколотки, омывают кожу теплым солоном снова и снова. Мягко, размеренно, все уверенней, увлекают, забирают меня к себе, заманивают в глубинную синь. Неотвратно. Ноги, бедра, пояс, живот, грудь, руки, плечи... Я часть природы. Я часть стихии.

Я ЖИВУ...

— Ты Ведьма, точно. Раньше так не было. А сейчас я думаю только о тебе. Рукой прикоснулась. Волосы до земли, как у Русалки, глаза огромные в упор и руки на шее... Не могу забыть... Такой трепет...

...Море живое, оно дышит и бьется каждым вздохом в берег, в плоть. Плыву неспешно, ложусь на воду, руки раскинув, как птица крылья, без доли страха, отдаюсь волне, она держит меня уверенно и сильно. Кожа чувствует каждую волну, каждую перемену течения. Я своя. М-о-р-с-к-а-я...

Безмятежность... Гармония... Покой... Рыбки щекочат живот и щиколотки, принимая меня в свой сказочный, чарующий танец.

Я ЧУВСТВУЮ...

— Струйки по пальцам на пол океаном... Я обожаю тебя, Королева Морская.

...Волны все сильнее и упорнее, все выше. Глубина. Плыву навстречу волнам и неизведанному. Брызги накрывают меня с головой. Капли в лицо. Соль на губах. Вкус то ли слез, пота, то ли живой воды, насыщенный, горьковатый... Вкус жизни, вкус моря... Куда плыву? Не знаю. Зачем? Не задумываюсь. Двигаюсь. Вперед. Пока жива. Без оглядки. Упорно и не уставая. В тар-тарары, в небытие, в счастье ли, не знаю... И не видно берегов. И краев нет. Где он, тот край? Бесконечность. Море — Космос. Нет у Космоса края и границ...

Я ЗНАЮ...

— Море — это захватывает... Я тебя обожаю, Марина.

...Море. Стихия. Влекущая и желанная. Волнующая, бездонная, бескрайняя. То безжалостная, то обманная, переменчивая, как судьба. И зовущая. И всегда надежда на что-то. Как парус на горизонте, как восход солнца, как свет маяка, как новые неизведанные дали, как тихая пристань родного города, как девичья фигурка на берегу...

— Что делал, зачем жил, куда двигался?... Опыт — да, мудрость — да... Одиночество и море нерастраченное нежности...

Слабею... Силы заканчиваются, глотаю воды, ноги и руки немеют, сознание обострено. Бездна чем-то фиолетовым и необъяснимым неотвратно тянет вниз. Страшно. И вся жизнь в одно мгновение... И нет сил сопротивляться... И нет правды, и нет лжи. И все равны, и все смертны.

Господи, за что? Дай мне пожить еще... Хоть немного... Руки слабеют. Набираю воздуха легкими и иду вниз, в черноту, в толщу воды, вязкую, холодную, затягивающую... Господи...

— Ты знаешь, я очень виноват перед тобой, давняя моя любовь... Очень виноват.

Как вспомню, как вел себя с тобой, так гадко становится, невыносимо...

Прости...

Я люблю тебя!..

Жизнь... Короткий отрезок от рождения до смерти...

...Что-то случается и откуда-то снизу сквозь мутные слои воды нечто серо-блестящее, стремительно, толчками вытаскивает меня на поверхность, уверенно, все сильнее, все быстрее. К воздуху, к солнцу закатному алому, к зареву золотому, к жизни... Чудо. Дельфин... И хвостом по воде, мощно, на память, и в глубину, без следа. Как не было.

Спасибо, Господи!

Лежу на бирюзовой воде, волны уже иные. Они баюкают меня, успокаивают... И нет уже страха...

Дышу, и с каждым лучом вливается в кровь жизнь, струйками, а потом мощным потоком, и эмоции добрые, радостные и настоящие переполняют все существо. Живая... я...

Я НИКОГДА НЕ УМРУ...

— Ты знаешь, я, ведь, только снаружи пуленепробиваемый, а внутри... Ты даже не представляешь.

...Согреваюсь. И потихонечку, стараясь сберечь силы, плыву к берегу. Выбираюсь на камни, далее, по скользкой гальке, обдираю до крови круглые коленки и оба запястья, с трудом выбираюсь на берег. Накрываюсь платьем. Дрожь. Что натворила, дуручка...

Успокаиваюсь. Уходит дрожь. Дышу, не могу надыхаться. Все еще мокрая, одеваю платье без лямок. Волосы по спине солеными струйками путаются на ветру. Полотенце в сумку, шлепки на босу ногу...

Иду на причал. Поднимаюсь по лестнице. Высокий деревянный причал, в форме лодки, выступает далеко в море. Ощущение, что плывешь на корабле. И бездна внизу. Изумрудно-золотая. Море в пятый раз меняет цвет.

Живая красота. Так не бывает.

Я ВИЖУ...

— Обалдеть. Аж, заныло все...

Хочу к тебе.

...Море все слышней. Оно уже не шепчет, не говорит, сердится, штормит крупными волнами, ругается... Редкие фигуры на пляже. И рыбак на лодке точкой в красной воде. И буреветник на высоком камне на мелководье.

Иду по берегу. Голыши. Нагретые за день, серо-рыжие, с желтоватыми разводами... Узоры... Узнаю в них за вычурными линиями что-то свое, искомое. Только «мое», заветное, не похожее ни на что для других, ненужное им и важное для меня... Зажимаю горсть в ладонь. Богатство. Девчонка глупая. Камни пахнут йодом и чем-то свободным. Волей.

Резко наступает вечер. Становится прохладно. Бреду по узкой улочке, затем дорожке, круто петлявшей и уходящей резко вверх, к небольшому поселку в несколько домов, спрятанному цепью гор от людского глаза в живописной бухте... Запах пихт будоражит и радует. Цикады стрекочут в сумерках. Солнце садится в горы. Стремительно темнеет. Надо торопиться... Страшно одной. Думаю о тебе...

Я ЗОВУ...

...И тут удивительным образом, по-доброму виляя хвостом, какая-то мелкая смешная худосочная дворняжка, "нарисовавшись" непонятно откуда, из каких кустов, приближается, обнюхав мой подол, быстро-быстро, как родной, "на ходу" начинает лизать мои исцарапанные коленки и синяк на щиколотке. Смеюсь. Вот и подружка нашлась, или друг...

— Нет, ты определенно Колдунья...

Это я. Телепортировался.

Я бы и так пришел, моя прекрасная. Пешком. И сидел бы у твоих ног, но я не могу, я так далеко от тебя...

Все будет хорошо...

...Так и идем вдвоем с моим дорогим псом, другом моим новым, телохранителем моим... Облаив двух проходящих мимо пьяных парней, из местных, успевших выразить все свое восхищение и бурно признаться его новой хозяйке "в симпатии", пес победно с гордой головой, пристроился сбоку на расстоянии шага. И что теперь мне с тобой делать, спаситель мой, думаю я...

Вспоминаю, что дома из съестного третий день ничего нет, захожу в небольшой поселковый магазинчик, покупаю две сосиски для собаки, две для себя, какое-то вкусное печенье и дыню на ужин. Вот и моя. Небольшая, ароматно-пряная, вся в прожилках-паутинках. Сладкая. Меня ждала. Беру.

— Где ты ходишь?! Аккуратней! Я подарю тебе автоматический боевой нож и тактический фонарик.

А так... Я всегда рядом. Голову сверну тому, кто тебя обидит! Держись. Прости, что не могу сейчас рядом быть...

Я СИЛЬНАЯ...

...Заочно прошу прощения у недожавшегося меня песика. Иду по слабо освещенному тротуару. Впереди башня. И темная лестница на девятый этаж. Считаю пролеты. Дух вон. Свечу мобильником. На ощупь открываю квартиру. Дома, слава Богу.

Бросаю сумку, надо высушить вещи. На ходу стягиваю с себя платье и мокрый купальник и босиком выхожу на балкон. Как здорово, когда окна выходят на море, а не на жилую коробку напротив, и никто тебя не видит, ни одна живая душа...

И замираю перед открывшейся неистовой красотой. Очертания крымских гор чуть угадываются слева. Кое-где далеко-далеко огни чьих-то окон маленькими бликами.

Иссиня-черное небо. Звезды. Яркие, большие, чистые, как нарисованные, казалось, вся звездная карта раскрыла свои секреты, показав на ладошке каждую свою дочь.

Август...

Время звездопадов.

И море внизу — воющее, страшное, завлекающее с такой силой, с таким шумом, уже нового цвета — угольное с проблесками серебра от отражавшихся звезд. Мощным зверем, с неистовой силой накатывающее волны о пирс, вздымающееся, вольное, буйное и страстное. Шторм! Бьющий, швыряющий! Поток адреналина, взрыв стихии...

Странно-прекрасное, захватывающее дух и каждую живую клетку, зрелище. Смотрю и не могу оторваться, уйти. Не могу насладиться. Ветер треплет и развеивает еще мокрые волосы, холодит мою обнаженную кожу. Маленькая фигурка. Вцепляюсь в парапет, чтобы не сбило с ног. Не могу уйти...

Звездопад...

Время загадывать несбыточные желания.

И тут от кусочка неба отрывается звезда и стремительным светляком вертикально падает в кипящее соленое жерло...

Море.

Я часть его.

Я хочу его.

Я ЖЕНЩИНА...

— Я тебя вижу. Контур. Супер-фигура и божественные ноги. Все красиво до безумия.

...Море — это я. Оно бьется изнутри наружу, во вне, изливается неистово, бурно, безумным потоком, сметая все на своем пути... Бьется сердцем, пульсом, дыханием, желанием, плотью... Небом... Я отрываю руки и лечу к тебе...

Ты прижимаешь меня к себе крепко и бережно и целуешь всю, до кончиков пальцев... Я тону в тебе, в море твоих рук, в море твоей накопившейся нежности... В море любви...

Твоя... Я...

Море — это Я...

Я ЛЮБЛЮ.

Иди ко мне...

Вся наша жизнь — отрезок от любви до смерти...

МОРЕ — ЭТО Я...

Anaemacua Holuxoba

Двери

Первая дверь была не нова: с виду массивная, она уже не отличалась той крепостью, но еще надежно защищала от бед, проблем и людской молвы. Когда-то красивая, ныне кое-где облупленная, поцарапанная, с истертой позолотой и еле заметным причудливым богатым растительным орнаментом, с заплатками кожи, аккуратно заштопанными вручную, она вызывала неоднозначное чувство. Сколько было за этой дверью сбывшихся и несбывшихся надежд, сколько пережитого, когда-то счастливого, сейчас же "удобного", побитого молью, истрепанного чувства, сколько было сказок и быта, сколько труда, сколько разочарований, сколько зависимости, сколько привычки и сколько долга... Замок был сломан, и дверь можно было лишь захлопнуть, уходя. Без возврата.

Иногда, когда тоска, скука, монотонность, обыденность или безысходность нестерпимо подступали к горлу, ее маленький дверной глазок становился окном в другой мир — яркий, неизведанный, манящий...

Вторая дверь, гордо стоявшая прямо напротив первой, была новенькая и ладная. Она манила своим запахом недавно отделанной дорогой кожи, блестящими стальными заклепками-гвоздиками, своей гладкой поверхностью, кажущейся крепостью, неприступностью, новизной, ароматом свободы, чувством неиспытанного, и того, что все еще впереди, что кто-то ждет тебя там... Что все еще возможно, только руку протяни...

Дверь была приоткрыта, и оттуда лилась чарующая волшебная музыка. Эта щель манила, дразнила воображение, звала за собой, вызывала эмоции, радость и возбуждение... Мне так хотелось заглянуть за нее... И, может быть, остаться там навсегда... Навсегда.

Но, что делать с тем, что за первой дверью... Неужели, рискнуть и выйти из нее? Разозлиться на себя? Захлопнуть с силой? Закрыть за собой то, что уже дано, потерять то, что согревало когда-то и уйти в неизвестность? Начав все сначала? Или вовремя остановиться и подумать: а что тебе нужно на самом деле? А стоит ли "новое" того, чтобы расстаться со "старым"?

Хлопать дверью? Или все же закрыть спокойно и достойно? Или остаться? Разве там всё было плохо? И кто гарантирует, что "новое" лучше?

Я понимала, что если уже однажды возникло желание захлопнуть старое, вряд ли оно исчезнет... Ведь, если нам хорошо за старой дверью, сколько бы нас не манили, мы не искусимся... Ведь, плохо же тебе, сознайся, плохо? Или терпимо? Ведь многие так живут... А, вдруг, за новой дверью еще хуже? Лучшее, как известно, враг хорошего...

А что если придержать первую дверь, и заглянуть во вторую? На секундочку? Только заглянуть?

Стою на пороге, пытаюсь дотянуться до второй двери... — Не могу... Не дотягиваюсь. Не получается...

Неужели, действительно, пока старая дверь не закроется, новая не откроется?

Нужен выход. Должен же быть выход...

Как хочется быть счастливой...

И как страшно...

Постой, если действовать, быстро, стремительно, старая дверь не захлопнется... Не успеет.. Я только посмотрю одним глазком, почувствую ветер перемен и пойму, нужен ли он мне, важен ли... Там ли мое счастье... Только одним глазком...

Переступаю порог, пытаюсь обмануть себя и судьбу, стремительно, воровато оглядываясь, бросаюсь к новой двери. Что-то вылетает за мной в коридор, что-то маленькое, светлое, мечущееся, но у меня нет времени заметить, что...

В этот миг сквозняк с неистовой силой и треском громко захлопывает старую дверь и, на секунду распахивая новую дверь настежь, захлопывает и ее передо мной намертво.

Надо что-то делать! Надо стучать в них, бить, колотить изо всех сил, пока не откроют... Но вовремя опускаю руку... Не надо стучать в закрытые двери...

И нельзя быть и там, и там сразу одновременно... Это не путь. Это обман. Обман. Других и себя. Это нечестно, это не воздается. Уходя уходи... Нельзя, ну нельзя обрести другую жизнь нечестно, неправдой! Нужно принимать решения, брать ответственность на себя... А сквозняки — беды и трудности — будут всегда.

Я оглядываюсь по сторонам...

Холодно. Страшно. Одиноко.

Растерянность... Неверие в себя...

Двери... Много дверей..

Свет, голубой свет и тепло, шли только от одной двери, внешне скромной и абсолютно обычной. Я не сразу ее заметила, но заметив, не смогла от нее уйти. Не знаю, сколько я простояла перед ней, боясь тронуть

ручку. Стоя у порога, я невольно вспомнила всю свою жизнь, все ошибки, промахи и радости, все достижения и победы... Много было в прошлом, его уже нельзя было изменить. Но немало ждало и в будущем...

Я поняла, что связь между прошлым и будущим в нас самих, в нашем опыте, и счастье.

Надо было делать шаг...

Затаив дыхание и зажмурившись, я нажала на ручку.

Дверь поддалась и открылась легко и бесшумно.

Я открыла глаза и переступила порог...

Теплый морской ветер дунул в лицо, где-то защebetали птицы, я увидела бездонное небо, и сияющее солнце. Морская гладь завораживала. На краю живописной голубой бухты виднелся, показавшийся мне удивительно знакомым, небольшой беленый старенький домик, окна его с полупрозрачными, развевающимися шторами были открыты настежь... Далеко, но уже различимо, я увидела силуэт мужчины, несшего на плечах ребенка. Они шли мне навстречу... Что-то родное-родное...

И в эту минуту вслед за мной в открывшуюся дверь впорхнуло что-то легкое, светлое, трепетное и радостное...

Счастье мое...

Ромашки

Если бы дачники с близлежащих участков проснулись бы чуть-чуть пораньше, они бы увидели следующую замечательную и трогательную картину...

Две фигурки стояли спиной к спине, облокотившись друг о друга, замерев и затаив дыхание, на краю широкого поля пшеницы, с живописными вкраплениями ромашек и васильков...

Мать и дочь.

Каждая сосредоточенно, боясь ошибиться, отрывала следующий белый, нежный лепесток на своей ромашке все медленнее и аккуратнее... Любая девчонка, девушка, женщина знает это удивительное и волшебное ощущение приближения к истине, когда сердечко бьется, как испуганная птичка...

Солнце сонно щурило августовскими лучами. Утро ласково раскрывало свои объятия новому дню

«Любит, не любит, плюнет, поцелует, к сердцу прижмет, к черту пошлет, любит, не любит...», — восторженно шептал слова гадания тоненький голосок.

«Любит, не любит, любит, не любит, любит, не любит...», — вторил негромко женский голос.

Корзинки брошены рядом. Маленькая и большая. В маленькой: огромный белый гриб прямо с грибницей, шишки, яркие листья, смешные сучки... В большой корзине по большей части свинушки и сыроежки...

Мать и дочь... Как же похожи! Курносые носы, круглые щечки с ямочками... Глазастые. Синеглазые. У обеих на голове косыночки. У женщины толстая светлая коса. У девчушки задорная тонюсенькая косичка.

Старенькие яркие курточки, джинсы, резиновые сапожки...

Девочка закончила гадание первой: «Любит!!!!» Цвета неба глазенки засияли, щечки покраснелись от счастья...

Взрослые пальцы дрогнули, оторвав последний лепесток... «Нет, — вздохнула, — Нет.»

Ненужный стебелек брошен в сторону.

— Мамочка, ну не расстраивайся, ну, давай еще раз попробуем?

Ромашек вокруг было много. Это придавало оптимизма.

И опять ромашка в руке, и опять новая надежда.

«Любит, не любит, любит, не любит...»

— Не любит... (— Нет, не судьба, — подумалось женщине. — Надо заканчивать со своими мыслями. И выкидывать из головы все эти глупости.)

И счастливое тоненькое рядышком: «А у меня любит! Любит!»

— Конечно, любит! Как же тебя не любить — такую красавицу!

— Mam, я придумала как надо! Давай наоборот: «Не любит, любит, не любит, любит, не любит, любит...!» У тебя получится, я знаю! Ну, пожалуйста! Ну, давай!

И вот девочка уже протягивает новый красивый цветок.

Большую белую ромашку...

Это были упоительные секунды слияния с русской природой, секунды гармонии и тишины, в глубине которой слышны лишь звуки проснувшихся насекомых, песня вещуньи-кукушки, и шепот пахучих трав... И только сердце гулко: «Тук-тук!»

«Не любит, любит, не любит...»

Лепестки под ногами...

Детские ручонки обхватили ее крепко-крепко, до боли, и девчушка сказала:

— Мамуль, ну не расстраивайся! Я же тебя все равно люблю! Все равно!!!

— Я знаю, доченька. Иди ко мне...

А потом они шли, взявшись за руки, и болтали. О том, о сем... О жизни. Как будут перебирать собранные грибы, затем варить душистый грибной суп, обедать, делать поделки из шишек, как потом пойдут собирать смородину и черноплодную рябину, ежевику и яблоки, как будут варить ароматное варенье, как пойдут гулять, как будут качаться на качелях, читать книжки перед сном...

И мечтать...

О своем...

О женском, о девичьем... О бабьем...

Авторская кукла работы Анастасии Нолыковой.

Контакты

Наш электронный адрес — gazeta_buk@mail.ru

Адрес нашего сайта — <http://buk-journal.ru>

Адрес нашего форума — <http://buk-journal.ru/forum/>

Адрес нашей группы на сайте Вконтакте — http://vk.com/buk_journal

Адрес нашей страницы на сайте stihi.ru — <http://stihi.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашей страницы на сайте proza.ru — <http://proza.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашего блога — http://blogs.mail.ru/mail/gazeta_buk/

